

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

К вопросу о социальных воззрениях Кекавмена

Сочинение Кекавмена, условно именуемое «Советы и рассказы», только что вышло в новом издании Г. Г. Литаврина¹. Как известно, этот памятник сохранился в единственной рукописи ГИМ № 436², переписанной столь малограмотным писцом, что местами текст искажен до неузнаваемости. Уже первые издатели, В. Г. Васильевский и В. К. Эрнштедт, сделали десятки поправок к рукописному чтению³, а после них П. Лемерль и его сотрудники предложили еще ряд конъектур⁴. Литаврин критически пересмотрел работу своих предшественников, приняв одни из поправок, отвергнув другие и предложив еще 39 исправлений текста (по его собственным подсчетам — Г, стр. 33; ср. стр. 310—312).

Несмотря на сравнительную простоту синтаксиса Кекавмена, перевод его не представляется легким делом. До сих пор существовал лишь один полный перевод Кекавмена — на немецкий язык, выполненный Х. Г. Беком⁵. Литаврин критически пересмотрел этот перевод и предложил десятки поправок к нему. Издание Литаврина снабжено обширнейшим комментарием: автор тщательно разъясняет термины и реалии, раскрывает намеки, обосновывает свое чтение и понимание текста. Наконец, во введении мы находим всестороннюю характеристику рукописи, автора и его сочинения.

Новая публикация, несомненно, будет способствовать изучению сочинения Кекавмена и облегчит это изучение. Однако трудности, связанные с пониманием памятника, столь велики, что работа Литаврина не «закрывает тему» — да он, разумеется, и не стремился к этому. Ряд вопросов все еще остается спорным, и я бы даже сказал, что после работы Литаврина спорность их обнаруживается с еще большей ясностью. Но прежде чем обратиться к этим вопросам, и особенно к проблеме социальных воззрений Кекавмена, я хотел бы еще раз вернуться к тому, что составляет объект анализа, — к тексту Кекавмена и его переводу.

Текст издается критически, а не дипломатически, и это вполне оправдано, поскольку публикация опирается на поздний список (XIV в., по Фонкичу). В соответствии с избранным принципом издатель стремится максимально приблизиться к тексту автографа: он изменяет, согласно своей концепции, порядок разделов («Советы топарху» помещены после «Советов василевсу» — вопреки рукописи), конъектуры, как правило, выносятся в текст, а не в критический аппарат.

Из 39 конъектур Литаврина 12 отражают вполне оправданную тенденцию избежать слишком далеких, слишком «смелых» отклонений от рукописного чтения (стр. 144.19; 160.8, 16, 17; 170.6; 172.29; 184.25; 186.31; 220.4; 282.29; 284.8; 306.1); именно эта тенденция позволила издателю предложить убедительное прочтение двух географических названий: Товий и Мосинополь. В двух других случаях эмендация приводит к новому

¹ *Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века. Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина. М., 1972 (далее — Г).*

² *См. Б. Л. Фонкич. О рукописи «Стратегикона» Кекавмена. — ВВ, 31, 1971, стр. 108—120; Р. М. Бартияян. О владельце рукописи «Советов и рассказов» («Стратегикона» Кекавмена. — «Вестник общественных наук АН Арм.ССР», 1973, № 1, стр. 75—78.*

³ *Cesaumeni Strategicon et incerti scriptoris De officiis regis libellus. — «Записки Историко-филологического факультета. СПб. университета», 38, 1896 (далее — ВЕ).*

⁴ *P. Lemerle. Prologèmes à une édition critique et commentée des «Conseils et Récits» de Kékauménos. Bruxelles, 1960 (далее — Л), р. 101—106. Согласно Литаврину (Г, стр. 33), он принял 22 (менее половины) поправок Л; по моему подсчету, им принято (полностью или частично) 39 и отвергнуто 13 (в том числе одна в соответствии с исправлением Ж. Гуйяра) конъектур французского ученого.*

⁵ *H. G. Beck. Vademecum des byzantinischen Aristokraten. Graz, Wien, Köln, 1956, (далее — Б).*

пониманию текста: замена рукописного $\lambda\alpha\iota\mu\omega\acute{\nu}$ на $\delta\alpha\iota\tau\omega\acute{\nu}$ $\omega\acute{\nu}$ (стр. 218.3) и замена $\kappa\acute{\alpha}\sigma\tau\rho\omicron$, осмысленного *ВЕ* как возможный топоним, на $\kappa\acute{\alpha}\sigma\tau\rho\omicron\nu$ (стр. 182.22). В четырех случаях мы имеем дело с исправлением орфографии (стр. 226,24, 244.20) и пунктуации (стр. 268.22, 284.13). Непростой задачей было восстановление имен, переданных в ненормативном написании. Можно, пожалуй, согласиться с исправлением имени Велисария (стр. 148.13), которое Кекавмен, по справедливому суждению издателя (стр. 363, прим. 207), не мог не знать, и имени Диогена (стр. 266.4). Но когда в рукописи 11 раз топоним Лариса (и ларисяне) пишется с одной сигмой, добавление второй кажется мне произвольным. То же относится к имени Роберта Гвискара, встречающемуся в двух вариантах: Рупердос (стр. 186.19) и Рушпердос (стр. 254.9), что *Г* ригористически выправляет на Румпердос, хотя известно, что и грамотные византийцы давали подчас произвольную транскрипцию латинских имен. Чтения $\rho\acute{\omega}\sigma\omicron\upsilon\varsigma$ (стр. 176.23) и $\Phi\iota\lambda\iota\pi\pi\omicron\upsilon\pi\acute{o}\lambda\omega\varsigma$ (стр. 180.33) вполне возможны, но они не лучше конъектур *ВЕ*: $\rho\acute{\omega}\varsigma$ и $\Phi\iota\lambda\iota\pi\pi\omicron\upsilon\pi\acute{o}\lambda\omega\varsigma$ (последнее даже предпочтительней, так как в рукописи два ударения). Аргиропулос (стр. 280.4) не более правомерен, нежели Аргирополос *ВЕ*, но последний ближе к рукописному $\acute{\alpha}\rho\gamma\upsilon\rho\acute{o}\pi\omicron\lambda\omicron\varsigma$. Рукописное $\kappa\alpha\theta\acute{\epsilon}\nu\alpha$ (стр. 276.26) возможно и вполне соответствует слитному написанию $\kappa\alpha\tau\acute{\omicron}\delta\iota\alpha\nu$ (стр. 124.25 и др.) или $\acute{\epsilon}\xi\alpha\nu\acute{\alpha}\chi\eta\kappa\eta\varsigma$ (стр. 254.21), оставленным без исправления. Наконец, перенос отрицаний $\omicron\iota$ на стр. 268.6 не кажется мне обязательным.

Таким образом, 18 конъектур Литаврина можно счесть «вкусовыми». Их, во всяком случае, лучше было бы включать не в текст, а в критический аппарат. Одну конъектуру следует отвергнуть, как ошибочную: на стр. 264.12 во фразе $\acute{\alpha}\pi\alpha\gamma\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\upsilon\varsigma\ \tau\acute{\eta}\nu\ \acute{\epsilon}\pi\iota\ \theta\acute{\alpha}\nu\alpha\tau\omicron\nu$ издатель убирает артикль, не учитывая, что здесь подразумевается $\tau\acute{\eta}\nu\ \delta\acute{\omicron}\delta\omicron\nu$ и что выражение $\tau\acute{\eta}\nu\ \acute{\epsilon}\pi\iota\ \theta\acute{\alpha}\nu\alpha\tau\omicron\ \acute{\alpha}\pi\acute{\alpha}\gamma\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ зарегистрировано в словаре Лиддл — Скотта.

Несмотря на плодотворную работу Васильевского и Ернштедта, Лемерля и Литаврина, текст сочинения Кекавмена далеко не всюду ясен, и можно предпринять некоторые попытки к его эмендации^{5а}.

Стр. 188.1. Рукописное $\acute{\upsilon}\pi\epsilon\rho\ \acute{\epsilon}\xi\omicron\upsilon\sigma\iota\acute{\alpha}\nu$, которое восстанавливает (вопреки *ВЕ* и *Б*) *Г*, вряд ли возможно: из контекста следует, что речь идет не о властях, кроме стратига (как понимает *Г*), но о подчиненных стратигу командирах. «Слушайся его (стратига) с полной покорностью», — наставляет Кекавмен. Следует читать $\acute{\upsilon}\pi'\ \acute{\epsilon}\xi\omicron\upsilon\sigma\iota\acute{\alpha}\nu$.

Стр. 228.14. В рукописи — $\alpha\upsilon\tau\acute{\omega}\nu$. *Г* (вслед за *ВЕ*) принимает $\alpha\upsilon\tau\acute{\omega}\varsigma$, но вполне возможно и $\alpha\upsilon\tau\acute{\omega}\nu$, так как глагол $\acute{\epsilon}\pi\iota\lambda\epsilon\iota\pi\omega$ управляет и винительным.

Стр. 228.14. $\delta\epsilon\iota\pi\nu\alpha$, а не $\delta\epsilon\iota\pi\nu\acute{\alpha}$, существительное, а не глагол.

Стр. 230.30. Речь идет о второженце, который берет новую жену из «порядочных» ($\tau\acute{\omega}\nu\ \chi\rho\eta\sigma\iota\mu\omega\nu$), что не приносит ему счастья, так как на брачном ложе она будет вспоминать о первом своем супруге. Связи нет, но текст легко поддается исправлению, если вместо $\chi\rho\eta\sigma\iota\mu\omega\nu$ читать $\chi\eta\rho\acute{\omega}\nu$ — «из вдов».

Стр. 244.7. Слово $\pi\omicron\nu\eta\rho\acute{o}\varsigma$ явно не на месте. *Г* (стр. 245; ср. 502, прим. 855) переводит «неутомимый», ссылаясь на фрагмент 139 Гесиода. Но Лиддл — Скотт осмысляют $\pi\omicron\nu\eta\rho\acute{o}\tau\alpha\tau\omicron\varsigma$ в этом фрагменте как *oppressed by toils*, т. е. измученный. Может быть, в оригинале стояло излюбленное Кекавменом $\phi\rho\acute{o}\nu\iota\mu\omicron\varsigma$, точно отвечающее контексту?

Стр. 246.19 $\omicron\iota$ так как это не артикль, а местоимение: «которые».

Стр. 262.13. Рукописное $\epsilon\iota\varsigma\ \tau\acute{\eta}\nu\ \sigma\upsilon\nu\epsilon\iota\delta\eta\sigma\iota\nu\ \alpha\upsilon\tau\acute{\omega}\nu$ странно. Чтобы выйти из затруднения, *Г* переводит $\sigma\upsilon\nu\epsilon\iota\delta\eta\sigma\iota\varsigma$ как «бессовестность» (стр. 263; ср. стр. 539, прим. 980), т. е. прямо противоположно смыслу. Не лучше ли читать $\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon$ в значении «[Никулида], опечаленный в своем сознании», т. е. в душе?

Стр. 292.22—23: $\sigma\tau\rho\alpha\tau\iota\epsilon\iota\acute{\alpha}\varsigma\ \acute{\epsilon}\omega\sigma\iota\nu\ \acute{\epsilon}\xi\kappa\omicron\upsilon\sigma\sigma\epsilon\upsilon\beta\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$. Стратия, один из видов крестьянских наделов, не подлежала, по византийской терминологии, экскуссии, и *Г* (стр. 293) справедливо переводит: «[Владельцы] стратий пользовались экскуссией». Не следует ли читать $\sigma\tau\rho\alpha\tau\iota\omega\tau\alpha\varsigma$ подобно тому, как в свое время Г. А. Острогорский⁶ $\sigma\tau\rho\alpha\tau\iota\omega\tau\iota$ в неграмотном акте 974 г. (?) (Лавра, № 6.5) предлагал исправить на $\sigma\tau\rho\alpha\tau\iota\omega\tau\acute{\omega}\nu$? Вопрос, во всяком случае, заслуживает рассмотрения.

Характеризуя свой перевод, Литаврин писал: «При переводе труда Кекавмена мы стремились к передаче не столько языковых и стилистических особенностей текста, сколько его смысла» (стр. 34). Если бы на самом деле так случилось, можно было бы только пожалеть, но в действительности Литаврин удачно сохраняет языковой рисунок оригинала с обилием просторечий и разговорных интонациями. Поскольку, однако, переводчик думает, что он не ставил перед собой художественной задачи и поскольку эта сторона дела не очень существенна для выбранной мною темы, я оставляю в стороне вопросы языка и стиля.

^{5а} См. важные поправки к тексту и переводу Кекавмена: Р. М. Бартиян. Некоторые замечания о «Советах и рассказах» («Стратегиконе») Кекавмена. — «Вестник общественных наук АН Арм.ССР», 1974, № 2, стр. 71—88.

⁶ Г. Острогорски. О византийском державном сельцазма и војницима. — две повелъ е из доба Јована Цимиска. — «Глас САН. Од. друштв наука», 3, 1954, стр. 27, прим. 11. Ср. А. П. Каждан, Б. Л. Фонкич. Новое издание актов Лавры и его значение для византиноведения. — ВВ, 34, 1973, стр. 40 и сл.

В целом переводчик успешно вышел из единоборства с Кекавменом, о чем в первую очередь свидетельствуют его многочисленные исправления старых переводов. Тем не менее и здесь еще многое предстоит сделать, и я позволю себе привести ряд примеров ошибочного или спорного понимания.

Стр. 118.2 $\chi\alpha\iota\nu\omicron\tau\sigma\iota\alpha$ $\phi\acute{o}$ $\tau\eta$ $\tau\upsilon\chi\omicron\upsilon\sigma\eta$ — «неожиданному взысканию». Слово $\chi\alpha\iota\nu\omicron\tau\sigma\iota\alpha$ встречается у Кекавмена еще несколько раз, и там оно переведено иначе: «убыток» (стр. 150.15—17), «затраты» (стр. 196.24). В византийском юридическом языке термин этот означал «новшество, несправедливость» (см. Nov. Just., 7, 5 § 1). Поэтому заключение, что в тексте (испорченном) идет речь о «чрезвычайных государственных налогах» (стр. 328, прим. 5), как полагает Г — хотя и с колебаниями (стр. 329, прим. 7), — кажется мне неоправданным. Кекавмен говорит не специально о налогах, а вообще о несправедливости; к тому же $\phi\acute{o}$ $\tau\eta$ $\tau\upsilon\chi\omicron\upsilon\sigma\eta$ — скорее «необычная» ($\text{unerh\ddot{o}rt}$ — В, стр. 21), чем «неожиданная».

В сходном смысле следует понимать $\chi\alpha\iota\nu\omicron\tau\sigma\iota\alpha$ и в трудной фразе на стр. 196.24—26, которая в переводе Г звучит: «Если ты постарайшься исполнить дело казначейства и возратить свои затраты, ты захочешь уменьшить ругу твоих людей и в конце концов отдашь последнее, чего и не взыщешь». Перевод не очень ясный: в самом деле, почему, исполнив дело казначейства, человек вдруг уменьшит жалование своих слуг или помощников? Начнем с наиболее надежного — с грамматики: $\acute{\alpha}\nu\eta\tau\iota\varsigma$ — аорист и переводится прошедшим временем, «взыскал». Сомнения в правильности толкования усиливаются при семантическом анализе: $\pi\epsilon\rho\iota\sigma\tau\eta\mu\iota$ не имеет значения «исполнить дело», но «окружить, обойти», в том числе и в переносном смысле — «обмануть»; $\acute{\alpha}\nu\alpha\sigma\omega\zeta\omega$ может означать «удержать» (незаконно приобретенное). Так мы получаем иной перевод: «Если ты будешь стремиться обойти казначейство и удержать и незаконно приобретенное ($\chi\alpha\iota\nu\omicron\tau\sigma\iota\alpha\varsigma$) и ругу твоих людей (запятую следует поставить не перед $\chi\alpha\iota$, а перед $\theta\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\iota\varsigma$), ты своей волей ($\theta\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\iota\varsigma$) нарушишь законность и в результате выблещешь последнее, чего и не взыскал».

Как «несправедливое новшество» $\chi\alpha\iota\nu\omicron\tau\sigma\iota\alpha$ может быть понята и на стр. 150. Во всяком случае, и там не говорится о взысканиях.

Стр. 120.1—2. «Богатый, поведение и богатство которого евангелист называет блистательными». В самом деле, евангельская притча о Лазаре упоминает, что богатч «пиршествовал блистательно» (Лк., 16, 19). Но в греческом оригинале евангелия стоит $\lambda\alpha\mu\pi\rho\acute{\omega}\varsigma$, а Кекавмен употребляет совсем другое наречие — $\tau\alpha\nu\theta\omicron\tau\alpha$, которое означает «самым явным образом». Следует перевести: «Богач, о чьем образе жизни ($\pi\omicron\lambda\iota\tau\epsilon\iota\alpha$ — это не «поведение») и богатстве недвусмысленно заявляет ($\acute{\alpha}\nu\alpha\chi\eta\rho\acute{o}\tau\epsilon\tau\epsilon$) евангелист» (см. В, стр. 22).

Стр. 120.14. «Предопределено было случившееся». $\text{O}\iota\kappa\omicron\nu\omicron\mu\iota\alpha$ — отнюдь не «предопределение», а совокупность спасительных действий Христа, особенно его смерть? Я бы перевел: «Хотя это и послужило ко спасению». Перевод В (стр. 22) — «Vielleicht göttliche Zulassung war», на мой взгляд, также неточен.

Стр. 122.18. $\text{M}\eta$ $\sigma\omicron\upsilon$ $\kappa\alpha\tau\alpha\chi\upsilon\nu\omicron\sigma\epsilon\tau\alpha\iota$ — «чтобы он не заподозрил тебя» (ср. В, стр. 24). Перевод грамматически правилен, но плохо увязывается со смыслом: получается, что другу надо помогать осторожно, чтобы он не заподозрил. Эту трудность заметили ВЕ, предлагавшие эмendaцию $\kappa\alpha\tau\alpha\chi\upsilon\nu\omicron\sigma\eta$ $\tau\iota\varsigma$ (см. стр. 335, прим. 39). Но, может быть, можно обойтись без правки текста, понимая $\kappa\alpha\tau\alpha\chi\upsilon\nu\omicron\sigma\epsilon\tau\alpha\iota$ безлично, типа немецкого man wird irge. В такой же безличной форме стоит и глагол $\delta\epsilon\chi\epsilon\tau\alpha\iota$ (стр. 160.1) во фразе, которую Г переводит: «Если дело не исправится при таком подходе». При таком понимании спорное место означает: «Дабы не заподозрили тебя» (третьи лица).

Стр. 124.5—10. $\text{K}\alpha\tau\alpha$ $\sigma\upsilon\chi\omega\rho\eta\sigma\iota\nu$ $\theta\epsilon\omicron\upsilon$ не значит «по соизволению божью» (ср. стр. 186.19), но «по попустительству божью», как правильно переведено ниже (стр. 188.14). Богословие четко противопоставляет $\sigma\upsilon\chi\omega\rho\eta\sigma\iota\varsigma$ абсолютной воле бога, и соответственно Кекавмен прилагает эту формулу лишь к действиям, которые он оценивает негативно. Поэтому выражение $\sigma\pi\epsilon\rho$ $\alpha\pi\epsilon\upsilon\chi\omicron\mu\alpha\iota$ (стр. 124.8), «чего я страшусь» или «да не случится этого», относится не к тому, что человек вообще «окажется на большой высоте» (так Г), но только к одному случаю — если он вознесется «по попустительству божью», а не в силу своих добродетелей или рвения.

Стр. 142.8. «Без бога невозможно охотиться на воробья» (так и В, стр. 38). Смысл искажен. $\Theta\eta\rho\epsilon\acute{\iota}\omega$ с винительным означает «поймать» (ср. Лк., 11, 54 — «уловить»).

Стр. 144.11—12. Касаясь суждения древних авторов о полководцах, Кекавмен говорит: «Я же не принимал этого, так как не пришел к выводу — как или каким образом». Обосновывая свой перевод, Г (стр. 360, прим. 183) замечает, что сказуемое $\acute{\epsilon}\delta\omega\kappa\alpha\iota$ стоит в 1-м л. ед. ч. Это невозможно: 1-е л. ед. ч. аориста — $\acute{\epsilon}\delta\omega\kappa\alpha$, а $\acute{\epsilon}\delta\omega\kappa\alpha\iota$ (наравне с $\acute{\epsilon}\delta\omicron\sigma\alpha\iota$) — форма 3-го л. мн. ч., существующая, кстати сказать, и в новогреческом. Поэтому перевод В (стр. 70), отвергнутый Г: *weil sie ihre Behauptung nicht näher bestimmt haben*, «поскольку они (древние авторы) не определили, как и каким образом», корректен.

Стр. 192.29. Кекавмен перечисляет церковные службы, обязательные для мирянина; в переводе это заутреня, молитва в четыре часа, вечерня и молитва перед сном. Но богослужения в четыре часа православная церковь не знала; $\tau\acute{\omicron}\nu$ $\tau\epsilon\sigma\acute{\alpha}\rho\alpha\nu$ $\acute{\omicron}\rho\acute{\omega}\nu$ — это так называемые «часы» (*die vier Horen* — В, стр. 75), четыре последовательные

⁷ Н. Thurn. *Oikonomia*. München, 1961, S. 77f.

службы между заутреней и вечерней: в первый час церковного исчисления (иногда совпадало с заутреней), в третий, шестой и девятый.

Стр. 194.2. Δὲ αὐτῶν τῶν λειτουργιῶν, «Посредством этих литургий» (так и *В*, стр. 75), — но предикативная (перед артиклем) постановка местоимения αὐτός предполагает перевод не «этот», а «самый». Т. е. примерно так: «Эти (службы) существуют для устройства нашей жизни, а в ходе самой литургии мы выказываем себя покорными рабами божьими». Приравнения литургии к религиозным обрядам вообще (см. стр. 459, прим. 556) в этом пассаже нельзя усмотреть: Кекавмен знал, что она отличается от часов, заутрени и пр.

Стр. 196.3. Согласно *Г*, Иоанн Майос «имел в изобилии и самые разные номисмы, и всякое добро». Перевод, видимо, смущал его, поэтому он поясняет: «номисмы разных чеканов» (стр. 461, прим. 571). Однако в этом пояснении нет нужды: по Кекавмену, у Майоса было в изобилии все (πάντων не значит «разные») — как номисмы (νομισμάτων τε — частица не учтена при переводе), так и всякое добро: mit viel Geld und groeßen Besitztümern (*В*, стр. 76).

Стр. 198.7—10. По *Г*, речь идет о налогоплательщиках, которые «будут таскать» откушника «до десяти и пятнадцати лет по фемным судьям» (так и *В*, стр. 78). В оригинале связь иная: ἕως δέκα καὶ δεκαπέντε χρόνους οἱ ἀπαλιθθέντες παρὰ σοῦ — «те, с кого ты до 10 или 15 лет взыскивал налоги»; εἰς τοὺς θρακτικοὺς δικαστὰς ἄξουσί σε («поведут тебя к фемным судьям») стоит очень далеко от обстоятельства времени.

Стр. 210.21—22. В выражении λογικά καὶ θωρητικά μαθήματα *Г*, хотя и не без колебаний (см. стр. 478 и сл., прим. 660), усматривает противопоставление светского и религиозного образования; по его мнению, Кекавмен советовал обучать детей светским и божественным наукам. Однако слова λογικά и θωρητικά у Кекавмена не противопоставлены, а сопоставлены, как имело место в греческой традиции со времен Юстина (PG, t. 6, col. 697 C): λογικά καὶ θωρητικά — это, скорее всего, духовные и умозрительные науки.

Стр. 216.27. Слово ἰδιῶται в приложении к монахам не имеет того унижающего смысла, который присущ русскому слову «невежественны» (см. особенно стр. 482, прим. 695, где на основании этого места подчеркивается «низкий образовательный уровень византийского монашества»). Скорее нужно переводить «простецы» (См. Деян. 4, 13, где сказано «простые». Ср. geistig einfältig — *В*, стр. 91). То место Писания (II Кор., 11, 16 — не 17, 6, как ошибочно цитирует *Г*; стр. 482, прим. 696), которое имеет в виду Кекавмен, называет между прочим апостола Павла «невеждой в слове, но не в познании». Прилагаемый издавна к апостолам⁸, этот эпитет говорит об уважении, а не о презрении.

Стр. 218.9—10. Согласно *Г*: «Не клевети на виновного ни ради [его] осуждения, ни ради денег». Но можно ли в наречии ἐγκληματικῶς видеть значение «ради осуждения», а χρηματικῶς — «ради денег»? Я предложил бы несколько иной перевод, исходя из того, что διαβάλλω означает также «обвинять», а ἐγκλημα имеет техническое значение — частный иск. Так мы получаем: «Невинного человека не обвиняй [не привлекай к суду] ни по частному иску (ἐγκληματικῶς), ни χρηματικῶς». Последнее слово, уже по контексту противопоставленное частному иску, действительно соответствует лат. civiliter (как граждански) и имеет в данной связи смысл — «по ведомственному обвинению». Чуть иначе, но близко по мысли переводит *В* (стр. 92): Ziehe keinen Unschuldigen vor Gericht, weder in Strafsachen, noch in Geldsachen — т. е. «не привлекай к суду ни по уголовному, ни по гражданскому делу».

Стр. 220.4. χερσὶν ἐργάζεσθαι — не «создаем вещественное», но «возделываем пелину».

Стр. 252.15: τὸν συμπένθερον σας *Г* переводит «твоего свата», но σᾶς — личное местоимение мн. ч., и речь идет о «вашем свате» (так *Л*, стр. 43, *В*, стр. 115), что естественно, ибо Самуил обращается не к одному лицу, а ко всему роду Никулицы. Из этого следует, что Кекавмен не был непременно сватом самого Никулицы, но находился в свойстве с его семьей (такой перевод только подкрепляет представление *Г* о характере родства Никулиц и Кекавменов — см. стр. 54).

Стр. 262.21—24. Трудность этой фразы проистекает из того, что слово λέγουσιν может быть понято двояко: как 3-е лицо мн. ч. «говорят» (именно так *Г*; ср. *В*, стр. 121 и сл.) или как дат. мн. ч. причастия, согласованного с βασιλεῶσιν, в таком случае «говорящими по своей воле» оказываются не слуги, а цари, а лживыми и несправедливыми — слуги не всех царей, а тех, кто «высказывается произвольно (безответственно?)». Возможность такого истолкования, во всяком случае, нужно принимать во внимание.

Стр. 284.12—13. Грамматически простая фраза: Πτόχευε λαόν — весьма важна для понимания воззрений Кекавмена. *Г* переводит ее: «Держи войско в бедности», — но λαός встречается у Кекавмена как в значении «войско», так и «народ». По моим подсчетам, *Г* 8 раз перевел «народ» и 50 раз — «войско»; правда, из этих 50 случаев около 9 спорных (например, на стр. 260. 16: ἐπέχω τὸν λαόν — вполне может быть переведено: «Держу в подчинении народ»). Но даже и без спорных случаев значение «войско» встречается в 5 раз чаще, чем «народ». Однако нельзя не видеть, что подавляющее большинство бесспорных употреблений термина в узком («военном») значении

⁸ Origène. Contre Celse, t. IV. Paris, 1969, p. 276 (VIII, 47. 22).

(36 из 41) приходится на особую часть книги, так называемый «Стратегикон», — за пределами этой части оно отнюдь не господствует (5 бесспорных значений «войско» против 8 — «народ»). Таким образом, мы не можем сказать, что вероятность понимания данного места в узком смысле выше, чем в противоположном.

Кекавмен употребляет для обозначения войска и другой термин — *στρατός*. Возникает вопрос, есть ли различие между обоими терминами. По всей видимости, в термине *λαός* содержится элемент личных связей между людьми и полководцем: 24 раза Кекавмен говорит о *λαός σου*, *λαός αὐτοῦ*, *λαός ἡμῶν*. Сюда надо прибавить *λαός σῶν* на стр. 164.13, что в свете сказанного, по-видимому, следует исправить на *λαός σου*. О «своем» *λαός* стратига или командира дружины говорится и почти во всех прочих случаях. Напротив, *στρατός σου* (или *αὐτοῦ*) как войско стратига появляется только три раза, тогда как в 14 случаях термин применяется для обозначения абстрактного войска или имперских военных сил. Таким образом, анализ терминологии показывает, что для характеристики отношений василевса и армии скорее следовало ожидать термина *στράτος*, чем *λαός*, — и в самом деле несколько ниже Кекавмен прямо рекомендует царю: «Не позволяй распускать и разорять (*πρωχέσαι*) твой *στράτος*» (стр. 292.14).

Обратимся к контексту рассматриваемой фразы. Кекавмен советует царю не наживаться за счет столицы, «подвластных земель» и *στράτες*, — иное говорил Василию II «негодный старец»: «Держи в бедности *λαός*. *Λαός* в данном случае, скорее всего, не синоним *στράτος*, а более широкое понятие, обнимающее и столицу, и подвластные земли, и войско, — иными словами, это — народ (так и *Β*, стр. 141). Не следовало ли *λαός* везде переводить «люди» — по аналогии со старофранцузским *gent*?

Стр. 284.28—29. По словам Кекавмена, в его времена можно было наблюдать «обложение свыше налоговой записи» — не только при взыскании необходимого, но и при бесполезных сборах». Таков перевод *Γ* (ср. *Б*, стр. 142) — в действительности же Кекавмен в этой фразе отнюдь не имеет в виду податную систему. *ἑκταγή* (или *ἑκταγία*) — слово, послужившее камнем преткновения для обоих переводчиков, — имеет совершенно четкое значение: это — судебные поборы, взимаемые в пользу судей⁹ (нем. *Sporteln*), *ἀγωγή* — иск. (лат. *actio*). Текст, который *Γ* считает «довольно темным» (стр. 603, прим. 1207), оказывается вполне прозрачным: «Судебные поборы выше капитала (*κεφάλαιον*, суммы, являющейся предметом тяжбы) и не только при взимании долгов (*χρέη*), но и при пустяковых исках».

Остановлюсь на нескольких случаях, где на мой взгляд имеют место неточности в понимании отдельных слов и терминов.

Стр. 126.24. *ἡδίκησε* — не «огорчил», а «был несправедлив» (*tut er unrecht* — *Б*, стр. 28).

Стр. 128.27. *τοῦ κακοῦ ἀπότισις* — здесь не «плата за преступление», ибо наложение эпирий не было связано с преступлением. Кекавмен говорит буквально о «возмещении бедствия», т. е. об уплате несправедливых взысканий (*das Übel abzahlen* — *Б*, стр. 29). Как «беда» нужно переводить *κακόν* и на стр. 140.2: «У тебя есть враг — как же ты не ждешь беды?».

Стр. 140.10—11. «Наслушавшись, чего не надо». У *Б* иначе (стр. 37): *weil sie bald diesen, bald jenen Rat zu hören bekamen*. И в самом деле *ἄλλὰ ἀντ' ἄλλον* означает «одно за другим». К тому же *ἀκχηούτες* я бы переводил здесь не «наслушавшись», а «прислушиваясь, повинуюсь». Таким образом, получается: «Прислушиваясь то к одному, то к другому [совету]».

Стр. 148.29. *ἀκνήστεροι* — скорее не «наиболее выносливые», а «наиболее быстрые» (от *ἀκνέω* — медлить). Ср. *schlagfertigsten* — *Б*, стр. 44.

Стр. 156.19—20. *ταπεινός*, *ταπεινότης* — слова, очень существенные в византийской этике, означают не «скромность», а «смирение». Ср. например, Лк., 1, 52: «Низложил сильных с престолов и вознес смиренных (*ταπεινούς*)».

Стр. 158.27. Неточно передано противопоставление *τὰ μὲν ... τὰ δέ*. Надо: «В одних случаях примись за дело с кротостью, в других — притворись» (несколько иначе у *Б*, стр. 51: *einerseits... zum andern Teil*).

Стр. 164.18. *τραπήσεται* — не «будет разбито», а «обратится в бегство» (это могло произойти и без сражения, ohne Kampf — *Б*, стр. 56).

Стр. 168.10. *κλασματίζουσί σε* — как видно из последующего, перевод «разобьют тебя по частям» неточен: войско катепана Михаила было заперто в клисуре, а не разгромлено по частям. *Κλάσμα* имеет значение не только «кусок, часть», но и «повреждение, разрыв»; соответственно *κλασματίζω* означает просто «разгромить» (*vernichtete* — *Б*, стр. 57).

Стр. 188.26. *καλαμώνας* — не «кустарники» (*Buschwerk* — *Б*, стр. 72), а «заросли камыша». Камыш употреблялся для ремесленных поделок: грамота 1110 г. (Lavra, № 59.50—51) упоминает *καλαμών*, как и Кекавмен, в связи с эргастирием.

Стр. 190.13. *ἀναγκαία* — не «продовольствие», а «необходимое», как правильно переведено ниже (стр. 220.13), или «потребное» (стр. 228.14).

Стр. 194.23. Перевод «Корнелий-элли» неудачен, поскольку Корнелий был не эллином (греком), а сотником италийского «полка» (см. Деян., 10, 1). Перевод

⁹ К. Е. Zachariae von Lingenthal. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Aalen, 1955, S. 363.

В (стр. 76): Heide, «язычник», с которым полемизирует Г (стр. 459, прим. 563), правлен.

Стр. 194.28. Перевод слова *περισπραχτορία* как «откуп налогов» — истолкование, а не перевод. Оно означает скорее — «чрезмерные налоговые взыскания», *unge-rechte Steuererhebungen* (В, стр. 76).

Стр. 196.27. «Справедлив ли подлый сборщик податей?!» — восклицает Кекавмен у Г. На самом деле иначе: «Какой (ποταπός) мытарь (или «сборщик») справедлив?» (*Ist ein Zöllner gerecht?* — В, стр. 77).

Стр. 200.28. *συναχθέντες* не имеет значения «огорченные». *Συναχθῆναι* может значить «собратся вместе», как его понимает В, который переводит *συναχθέντες πάντες* просто *alle*, «все» (стр. 80). Но есть и другой смысл: «быть пораженным, затронутым» — при таком понимании речь идет обо «всех, кого коснулась эпирия».

Стр. 204.19. *ἐξωτικῶς* значит скорее не «перед домом», а менее точно: «в другом месте, вне дома» (*draussen* — В, стр. 83).

Стр. 222.6. *μὴ γίνωμι ἐνδοξος* — «не стань тщеславным» (ср. *werde nicht gross-spurig* — В, стр. 95) точнее, чем «не прославься», как у Г.

Стр. 224.22. *ἀριστον* — не обед, а обычно утренняя плотная еда, завтрак. Ср. еще стр. 258.13, где *ἀριστον* съедают задолго до полудня.

Стр. 226.18—21. Здесь две неточности. Во-первых, термина «стратиот» в оригинале нет. Глагол *στρατεύομαι* неопределеннее: «отправиться на войну». Во-вторых, конец следует переводить: «Избегай трактирных драк (*καπηλοπολέμου* — букв. «трактирной войны»): там будешь ранен, убит и после смерти покрыт позором. О том, чтобы «смыть позор смертью» (в трактирной драке!) здесь речи нет. Попутно замечу, что γάρ у Кекавмена вовсе не обязательно всякий раз переводить «так как». Г подчас справедливо опускает этот союз (например стр. 288.9).

Стр. 228.4. *θυμολύμνοι* — не просто «обуреваемые сильными страстями», но «гневливые». Гнев, *θυμός* — один из главных пороков по византийской этической шкале. Ниже *θυμός* правильно переведено как гнев (стр. 232.15, 272.9).

Стр. 230.10, 14. *σαφρῶν* — не «разумный», а «целомудренный» (ср. стр. 288.14: *σαφροσύνη*, что верно переведено «целомудрие»): здесь целомудрие явно противопоставлено похоти.

Стр. 240.23. *εἰ μὲν ἀγαθὰ εἰσιν* — по Г, «если все обошлось хорошо». На самом деле *ἀγαθὰ*, согласовано с *ἃ τε ἐπραξας* предыдущей фразы, и переводить нужно примерно: «если твои поступки и разговоры благо» (так и В, стр. 108).

Стр. 250.12. *ἐπαθον* здесь «испытали», а не «пострадали». Что «родители» (или, скорее, «родня») Никулицы не пострадали, специально подчеркнуто ниже (см. стр. 252.10—12). Ср. еще стр. 252.24, где *ἐπαθεν* переведено верно — «перенес».

Стр. 264.10, 16, 23. Слово *πρόκριτος* повсюду передано «избранник». Оно соответствует лат. *princeps* и должно здесь переводиться «первенствующий».

Стр. 266.26. *ἐξέτατος* в данном контексте скорее «быстрый, способный», нежели «резкий».

Стр. 286.13. *οἱ ἄρτον ζητοῦντες* не означает «хлеб себе добывающие». *Ζητέω* — «искать», в новогреческом «просить»: речь идет о просящих хлеб, о нищих (*Bettler* — В, стр. 143).

Стр. 286.18—19. *ἐπρονοοῦντο* не означает, что Орфанотроф «стоял во главе» своих бедных родственников, но что он о них «пекся» (ср. *sorgte* — В, стр. 143): *πρόνοια* — «забота, попечение».

Стр. 294.4. *δσπριον* — не «овощи», а стручковые всех сортов, как сказано в слове Лиддла — Скотта. Справедливости ради следует отметить, что в ряде французских изданий византийских текстов *δσπρις* переводится *légumes secs*, «сушеные овощи» (Lavra, p. 152 и др.), но я не вижу оснований для этого. Достаточно сослаться на современника Кекавмена Симеона Сифа, который в книге о свойствах продуктов питания применяет термин *δσπρις* как общее обозначение стручковых, куда входят чечевица, бобы, лушин и т. п.

Стр. 296.28. *ἐξέλθης βασιλικῆς* — означает, по-видимому, не «уйдешь от престола» (дворца, города?), но «уйдешь по царской [дороге]».

Стр. 302.30—31. Говоря *τὸ βασιλεῖον κράτος*, Кекавмен имеет в виду не «престол василевса», а самого царя. *Τὸ ἡμέτερον κράτος* было в XI в. официальным эпитетом императора (см. Lavra, № 32.63—64, № 33.125—126).

Два последующих замечания касаются не понимания текста, но лишь его русского выражения.

Стр. 132.3. О боге говорится: «тот, кто исследует сердце и почки», — следовало сохранить ветхозаветную лексику: «кто испытует сердца и утробы» (ср. Пс., 7, 10).

Стр. 304.9—10. Будничное «по воле волн» не передает художественного оттенка оригинала, где идет речь о «царственности волн».

Для осмысления Кекавмена чрезвычайно важен обширный комментарий Литаврина, где широко использованы параллельные источники и необходимая литература; многие примечания являются в полном смысле слова исследованиями и содержат оригинальные решения проблемы (например прим. 277, 343, 393, 394, 397, 813, 899, 921, 1086, 1142, 1191, 1198, 1212, 1227, 1264). Литаврин стремился сделать понятным каждое слово Кекавмена, и в общем ему это удалось.

Вместе с тем в тексте остались некоторые (очень немногие) пассажи, нуждающиеся

в объяснении. Таково, например, интересное место (стр. 224.4—8), рекомендуемое не менять профессии. Как следует понимать его? Доказывает ли оно наличие в Византии XI в. пеховой замкнутости, или, наоборот, из него следует, что профессиональная стабильность была здесь лишь узусом, а не законом? Не разъяснено, почему один из сыновей Никулицы носил армянское имя Баграта-Панкратия (стр. 258: 18). Нуждаются в комментировании и термины римского права *ἀνταρβούσιος* и *ἀνταρβούσιος* (стр. 298.21).

Структура комментария осложнена тем, что он включает в себя такие элементы, которые должны были бы найти место в подстрочном критическом аппарате. Сюда относятся поправки к тексту (например прим. 1154, где *Γ* принимает эмendaцию *Λ*, хотя она уже отмечена на стр. 281 как сделанная *ΒΕ*; конъектура прим. 914 вовсе не учтена в критическом аппарате на стр. 253), многочисленные указания на устранение заголовков, раскрытие цитат из Писания (кстати, не следовало ли указать, что цитаты не всегда совпадают с каноническим текстом, — см. цитату из Ио., 19.11 на стр. 120.9—11?).

Прямые ошибки и неточности немногочисленны. Отметим некоторые из них.

В прим. 914 идет речь о Георгии Коринфском. Он назван протосинкелом, а во второй половине XI в. титул протосинкела носили высшие иерархи — по-видимому, Георгий был архиепископом Коринфа около 1066 г.¹⁰ «Георгий Коринфский, — пишет Литаврин, — неизвестен по другим источникам». Это неверно: сохранилась печать Георгия, проэдра Коринфа, которую В. Лоран датировал как раз второй половиной XI в.¹¹; Лоран отличается владельца этой печати от двух его омонимов, занимавших этот пост соответственно около 1027/8 г. и в первой половине XII в. Литаврин полагает далее, что рукописная форма *Κορίνθος* зафиксирована «документами», — он ссылается, впрочем, только на печать Георгия (описка! Надо — Павла), архиепископа Коринфа, — но на этой печати в действительности вырезано *Κορίνθ(ου)*, где «омикрон» вместо «ню» стоит «по простой рассеянности» резчика¹². В прим. 1022, еще раз возвращаясь к Георгию, Литаврин считает, что он был удален в провинцию между маем 1067 и октябрём 1071 г., — но он занимал пост претора Армениака уже в 1068 г.

Кстати сказать, Георгий заслуживает внимания: духовное лицо, фаворит Константина X, затем видная фигура в провинциальной администрации, он типичен для своего столетия с его смешением духовных и светских, дворцовых и военных функций.

В прим. 192 Литаврин пишет: «имеется в виду епарх Константинополя». Однако тот епарх, который, согласно легенде, убедил Константина отсечь голову трем невиновным мужам (стр. 146.6—8), не был епархом города. «Чудеса св. Николая», передающие эту легенду (напрасно Литаврин на стр. 40 и сл. сомневается, что Кекавмен опирается на этот памятник), сообщают имя епарха — Аблабий. Он хорошо известен: Флавий Аблабий был префектом претория при Константине в 329—337 гг.; греческая традиция называет его *ἐπίτροπος τῆς βασιλικῆς αὐλῆς*¹³, епархом царского двора.

В прим. 258 к слову «Месопотамия» Литаврин касается истории Северного Междуречья в VI—VII вв., но не упоминает о феме Месопотамии, основанной около 900 г.¹⁴, которую и имеет в виду Кекавмен.

Введение к изданию предлагает читателю всестороннюю характеристику памятника и его автора. Чрезвычайно тщательно и осторожно анализирует Литаврин скудные сведения о происхождении, жизни и взглядах Кекавмена, причем особенный интерес порождает сравнительная характеристика этого писателя и его современников — Скилицы и его Продолжателя, Атталиата и Пселла, Симеона Богослова. Собственно говоря, это первый опыт изучения социальных воззрений Кекавмена. Отказываясь от характеристики Кекавмена как «среднего византийца» (Лемерль), Литаврин стремится выяснить, к какому социальному строю тот принадлежал. Он определяет Кекавмена как «идеолога провинциальной военной аристократии» (стр. 98); к ней писатель принадлежал и по своему происхождению, и по своей служебной карьере. Основным идейным противником Кекавмена Литаврин считает Пселла (стр. 78—83), тогда как Продолжатель Скилицы был по духу ближе всего к нашему автору (стр. 71). Скилица тоже вышел из военной провинциальной знати, но в отличие от Кекавмена «он не видит серьезных противоречий между бюрократией и военной аристократией» (стр. 74), тогда как Атталиат — «выразитель интересов синклита», хотя и «не видит в военной аристократии своих непосредственных врагов» (стр. 77 и сл.). Что же касается Симеона Богослова, то его, «выходца из чиновной бюрократии столицы», Литаврин противопоставляет Кекавмену (стр. 95 и сл., прим. 13).

«Мы отдаем себе отчет, — пишет Литаврин, — что намеченные нами идейные различия между упомянутыми выше авторами и Кекавменом нуждаются в более детальном рассмотрении и уточнениях» (стр. 83). В соответствии с пожеланием автора я позволю

¹⁰ О титуле протосинкел см. *N. Oikonomidès. Un décret synodal du patriarche Jean VIII Xiphilin.* — REB, 18, 1960, p. 70—71. Георгий отсутствует в каталоге коринфских митрополитов в кн.: *A. Cominis. Gregorio Pardos. Roma, Atene, 1960*, p. 43—58.

¹¹ *V. Laurent. Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin*, t. V, 1. Paris, 1963, № 563.

¹² *Ibid.*, № 556.

¹³ *The Prosopography of the Later Roman Empire*, vol. I. Cambridge, 1971, p. 3 f.

¹⁴ *N. Oikonomidès. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles.* Paris, 1972, p. 349.

себе прежде всего сделать несколько уточнений в его характеристике современников Кекавмена: быть может, это прольет некоторый свет и на собственную позицию автора «Советов и рассказов».

Рассматривать Атталиата, крупного судебного чиновника и собственника городской недвижимости, как выразителя интересов синклитиков кажется вполне естественным, однако подобной оценке противоречат два обстоятельства. Прежде всего, Атталиат был несомненным приверженцем Никифора Вотианиа, вождя малоазиатской аристократии, причем историк подчеркивает не только достоинства своего героя, но и знатность его происхождения¹⁵. Именно такая оценка Никифора дала основание Г. А. Острогорскому и другим исследователям видеть в Атталиате приверженца военной феодальной аристократии¹⁶. На второе обстоятельство как будто до сих пор не обращали внимания — это интерес Атталиата к деятельности городских кругов. Он специально подчеркивает, например, что отец Никифора, Михаил Вотианиат, с уважением относился к горожанам (Аттал., стр. 236.11—237.2), и сообщает, что горожане Константинополя, собравшись в храме св. Софии, δημοκρατοῦμενοι, провозгласили Никифора императором (стр. 256.9—17). Особо отмечает Атталиат и благорасположение Никифора к ремесленникам (стр. 281.7—10). Напротив, Михаил VII и Никифорица, которых Атталиат вообще не жалует, выступают в его изображении враждебными торговой и ремесленной деятельности: Михаил VII лишил собственности владельцев пристаней (стр. 278.15—17), Никифорица учредил в Редесто гибельную монополию хлебной торговли (стр. 202.2—9), что вызвало требование мистиев повысить заработную плату (стр. 204.5—6).

Из противоречивой социальной позиции Атталиата вытекает та двойственность его программы, о которой говорит Литаврин (стр. 77): с одной стороны, историк возмущен податным гнетом¹⁷, с другой — восхваляет императорскую щедрость. Он видит пороки своих современников (Аттал., стр. 144.14—16), но вместе с тем не теряет оптимистической уверенности в возрождении империи, которое должен принести государь, подобный Никифору Фоке (стр. 223.4—13), опять-таки аристократу. Он осуждает одних аристократов-узурпаторов — таких, как Лев Торник или Никифор Вриений, но оправдывает других, подобных Роману Диогену или Никифору Вотианиату.

Изучение взглядов Скилицы и его Продолжателя в одном отношении более сложно, нежели анализ воззрений Атталиата: оба хрониста были компиляторами, и в их сочинениях мы находим как их собственные суждения, так и суждения, перенесенные (далеко не всегда осознанно) из переписываемых ими трудов. При этом, если источники Скилицы в его изложении истории XI в. нам неизвестны, то Продолжатель пользовался по преимуществу «Историей» Атталиата.

Продолжатель Скилицы, по мысли Литаврина, разделял чаяния и надежды тех кругов, к которым принадлежал Кекавмен, т. е. военной аристократии провинций. Один из основных аргументов в доказательство выдвинутого тезиса — равнодушие Продолжателя к синклиту (стр. 71). Мне кажется, что этот аргумент Литаврина — результат недоразумения: помимо тех трех упоминаний, которые приводит Литаврин (Продолж. Скил., стр. 109.19—23, 116.8, 186.3)¹⁸, я мог бы указать еще не менее восьми (стр. 111.11—15, 123.1, 133.19—20, 142.6, 172.1—3, 176.7—8, 178.3—4, 181.25—26). Более того, сравнивая Продолжателя с Атталиатом, мы можем видеть, что интерес к синклиту является у Продолжателя активным: так, Атталиат, повествуя о «тронной речи» Константина X, сообщает, что император говорил перед городскими коллегиями (Аттал., стр. 70.16); пересказывающий его Продолжатель свидетельствует, что речь была произнесена перед синклитом и всем городским народом (Продолж. Скил., стр. 111.11). Симпатии Атталиата к горожанам и симпатии Продолжателя к синклиту обнаруживаются при сопоставлении этого пассажа.

Литаврин совершенно прав, когда пишет, что Пселл своим талантом резко выделяется среди современных историков (стр. 78). Его многогранность и колоссальное наследие делают изучение идей Пселла особенно сложным. Кстати сказать, Литаврин ограничивает себя только «Хронографией» Пселла, оставляя в стороне его письма и речи, весьма существенные для понимания воззрений византийского мыслителя.

Литаврин считает Пселла «безусловным сторонником демократической формы правления» (стр. 79). Однако то место, на которое он ссылается (Пселл, II, стр. 35, § 134), свидетельствует как раз о противоположном. В самом деле, что пишет Пселл? В древности у афинян и в городах, подражавших их демократии, высоко ценилось благородство. У нас же это благо утеряно, и благородство не уважается (λόγος οὐδεὶς εὐγενείας). Далее следует фраза: ἀνωθεν ἐκ κλήρου διαδοχῆς, которую Литаврин понимает так: «Власть передается по наследственному жребью», — но она не имеет такого смысла. Пселл хочет сказать лишь, что благо было утеряно издавна (ἀνωθεν) и такой порядок передавался по наследству (ἐκ κλήρου διαδοχῆς), он даже не употреб-

¹⁵ F. H. Tinnefeld. *Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie*. München, 1971, S. 140—142.

¹⁶ G. Ostrogorsky. *Geschichte des byzantinischen Staates*. München, 1963, S. 262.

¹⁷ См. детальнее: F. H. Tinnefeld. *Op. cit.*, S. 136 f.

¹⁸ Я цитирую не по Боньскому корпусу, как Литаврин, а по критическому изданию Е. Полакиса: Εὐδ. Θ. Τσολάκης. *Ἡ συνέχεια τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτζη* (Ioannes Skylitzes continuatus). Θεσσαλονίκη, 1968.

ляет слова «власть». Так понимает Пселла его издатель и переводчик Э. Рено: «se male date des origines et il est de succession héréditaire». Упомянув о Ромуле — родоначальнике таких порядков (?), Пселл продолжает: «Синклит загублен, и первый попавшийся (ὁ βουλόμενος) становится гражданином». В понимании дальнейшего я опять-таки расхожусь с Литавриным — казалось бы, в незначительной нюансировке, но нюанс этот оказывается существенным. Пселл говорит о выскочках, которые сменили кожух на дорогое платье, о варварах и подлых Спартаках, правящих византийцами. Мысль как будто бы ясная и тесно связанная с предыдущим: «у нас» благородство не уважается и правят выскочки, незаконно ставшие гражданами. Но Литаврин придает этой фразе уступительное значение: «Конечно, кто-нибудь нашел бы и у нас...» Но ἀλλά имеет значение «безусловно, непременно»; что касается «и» перед «у нас», — его нет в оригинале. Фраза Пселла имеет утвердительный смысл: безусловно, у нас найдутся подобные выскочки.

Итак, слова Пселла отнюдь не обосновывают демократию, наоборот, писатель скорбит о потере благородства, о загубленном синклите, о правлении подлых выскочек.

По словам Литаврина, Пселл полагал, что «благородство определяется рождением» (стр. 79). Такое утверждение одностороннее. В самом деле, Пселл рассматривал родовитость как несомненное достоинство (Пселл, I, стр. 122, § 11. 11—12; II, стр. 177, § 9. 5—6); если он сравнительно благоприятно оценивает незнатного Михаила IV (I, стр. 56, § 7.2—6, стр. 85, § 54.15—16), то его все-таки поражает, что человек худородный, достигнув такого положения, не потерял рассудок, но оказался достойным своей судьбы (I, стр. 57, § 10.2—4). Вместе с тем унаследованное от отцов и дедов «родовое» благородство должно сочетаться, по Пселлу, с собственными деяниями¹⁹. В письмах он говорит о благородстве как происхождения, так и души, призывает своего адресата украсить род просвещенностью, образом жизни, разумом и добродетелью и утверждает, что человека делают прекрасным его душа, его тело, его нрав, его образ мыслей, величественная природа и благородные стремления²⁰. Родовитость — конечно, великое качество, но выше нее стоят личные свойства человека (Пселл, II, стр. 134, § 84.12—14). С несомненным одобрением говорит Пселл о мероприятиях Константина IX, который соблаговолил назначать высших чиновников не по принципу родовитости. Разве можно пополнять синклит из одних родовитых, даже из тех, чей ум ущербен и кто отличается только спесивостью и чванством?²¹

«Пселл делит, — пишет Литаврин (стр. 80), — население империи на три части: народ, синклитики и стратиготы». Пселл, в самом деле, говорит о трех названных разрядах как об опоре императорской власти²². Но это не единственная форма общественной стратификации, известная Пселлу: в другом месте он перечисляет синклитиков, монашество, городской плебс и тех, кто занимается земледелием и торговлей (I, стр. 108, § 37.10—16). Он также разделяет константинопольцев на знать и плебс, внутри которого выделены «самостоятельные лица» (αὐτοῦργοι) и ремесленники²³. Кстати сказать, обе эти попытки стратификации отнюдь не свидетельствуют, что «народ мало интересует Пселла» (стр. 80) — другое дело, что не так просто выяснить, что именно понимает Пселл, говоря о «народе».

Дело, однако, не только в уточнении отдельных положений, касающихся социальных воззрений Пселла. Трактуя его как «придворного философа» (стр. 82), как «прожженного и циничного политикана» (стр. 83), Литаврин снижает образ большого мыслителя и художника, воззрения которого не сводились только к оправданию «сословных» интересов. Тот эпикурейско-гориацианский дух, та снисходительность к людям, о которой писал Я. Н. Любарский²⁴, та апология дружбы и античной образованности, которая так отличает Пселла от другого идеолога столичной знати — Симеона Богослова, — все это не может быть выведено из факта принадлежности Пселла к синклитикам. Он не просто был защитником столичной бюрократии, но принадлежал к ее особому крылу, которое можно назвать «интеллектуальным».

Литаврин противопоставляет Кекавмена как Симеону, так и Пселлу. Я хотел бы подчеркнуть, что это противопоставление отнюдь не должно быть абсолютизировано. Спору нет, в свое время, наметив некоторые черты сходства между Кекавменом и Симеоном²⁵, я пошел в этой аналогии несколько дальше, чем следует, — и Литаврин справедливо указывает на известные отличия между ними. Он указывает их во введении, но в комментарии, напротив, неоднократно отмечает черты сходства (см. прим.

¹⁹ K. N. Sathas. Bibliotheca graeca medii aevi, t. V. Paris, 1876, p. 192. 15—18.

²⁰ Psellos. Scripta minora, vol. II. Milano, 1941, p. 94.17, 101.15—18, 262.12—13.

²¹ K. N. Sathas. Op. cit., t. IV, p. 430. 28—431.11. Как подчеркивает Я. Н. Любарский («Исторический герой в «Хронографии» Михаила Пселла». — ВВ, 33, 1972, стр. 98), происхождение героя Пселла не определяет его поступки и судьбу.

²² Пселл, II, стр. 83, § 1.11—12. Анализ этого тезиса см. H. G. Beck. Ideen und Realitäten in Byzanz. London, 1972, XIV, S. 1.

²³ Psellos. Scripta minora, vol. I, p. 283.12—20.

²⁴ Я. Н. Любарский. Михаил Пселл. Личность и мировоззрение. — ВВ, 30, 1969, стр. 85—89. Ср. теперь: F. Tinnefeld. «Freundschaft in den Briefen des Michael Psellos. Theorie und Wirklichkeit. — JOB, 22, 1973, BSS. 168.

²⁵ А. П. Каждан. Предварительные замечания о мировоззрении византийского мистика X — XI вв. Симеона. — BS, 28, 1967.

708, 712, 737, 1055, 1337). Точно так же и Пселл в каких-то своих положениях сближается с Кекавменом: укажу сейчас лишь на один момент. Кекавмен настоятельно советует старательно обрабатывать землю (см. стр. 58), и переписка Пселла также полна заботы о принадлежащих ему земельных угодьях.

Литаврин считает, что Пселл и Кекавмен смотрели друг на друга как на врагов (стр. 82). Ответственное это положение аргументировано очень слабо. Почему, приведя слова Пселла о лстыцах и приспешниках, Литаврин пишет: «Итак, Пселл видит врага в Кекавмене» (стр. 82), — мне просто непонятно. Во всяком случае, осуждение лстыцев встречается и у Кекавмена (стр. 154.17—18, 290.10), и Литаврин в другом месте (стр. 71) расценивает соответствующие слова Кекавмена как намек на Пселла. Думаю, что как в том, так и другом случае нет личных намеков, но обычный топос византийской дидактики. Такой же топос — и призыв Кекавмена к тому, чтобы философ не уподоблялся миму и скомороху, но учил столицу добру; в этом призыве Литаврин также усматривает намек на Пселла (стр. 71 и сл.). Можно, однако, напомнить, что и Пселл с такой же решительностью осуждал общение с мимами, недостойное синклитика²⁶. И, разумеется, типичным клише является заявление Кекавмена о неискусности его полезного труда, не похожего на праздные басни, что Литаврин также считает выпадом против Пселла (стр. 72).

Литаврин прав, подчеркивая враждебность Продолжателя Скилицы к Пселлу: не «дважды» (стр. 72), а четырежды этот хронист высмеивает философа; кстати сказать, ему, а не Зонаре принадлежит осуждение ипата философов, учившего Михаила VII ямба в трудные для страны дни (Продолж. Скил., стр. 171.6—10; ср. еще стр. 156.7—8. Два других места приведены Литавриным). У Кекавмена же выпадов против Пселла нет, а к Иоанну Ксифилину, одному из ближайших друзей Пселла, наш писатель испытывает прямое расположение (стр. 264.24—30).

Таким образом, оппозиция: Пселл (синклитик) — Кекавмен (идеолог провинциальной знати) — оказывается не столь безусловной. Рассмотрим теперь сведения, которыми мы располагаем, о социальной принадлежности и социальных симпатиях самого Кекавмена.

Дальние предки Кекавмена были армянскими и болгарскими полководцами, перешедшими на византийскую службу (стр. 51 и сл.). О социальном положении отца Кекавмена мы ничего не знаем. Дядя (или двоюродный брат) писателя Иоанн Майос был стратегом, а потом занимался откупом налогов (стр. 51). Помимо известного полководца Катакалона Кекавмена, которого Литаврин (стр. 50) с полным основанием отличает от автора «Советов и рассказов», мы можем назвать еще трех Кекавменов, живших на рубеже XI и XII вв.: Михаила, полководца Алексея I (Анна Комнина III, стр. 27.1—2; 104.14—15; 107.20—22); Василия, автора стихотворной эпитафии Анастасию Лизкию, — он был гражданским чиновником: протасикритом и судьей ипподрома²⁷; Константина, занимавшего пост протохартулария²⁸, — он мог быть и гражданским чиновником, и военным.

Правоммерно ли утверждать на основании нашего списка, что семья Кекавменов принадлежала непременно к военной знати? Думаю, что это было бы рискованно. Вполне возможно, что полководцы при Василии II, Кекавмены затем постепенно превращаются в гражданскую знать. Во всяком случае, среди них были судья, податной откупщик и, видимо, начальник канцелярии. Сходную эволюцию можно предполагать и у родственной Кекавменам семьи Никулиц: последнего из них мы застаем на посту архигета и анаграфевса (податная должность) кондаратов и моряков (стр. 268.4—5).

О самом писателе известны лишь три факта: в 1041 г. он совсем еще молодым участвовал в походе против Деляна; в 1042 г. находился в Константинополе и наблюдал низложение Михаила V — возможно, что он был (служил?) во дворце; позднее он имел какую-то должность в Элладе, но характер этой должности неизвестен (стр. 51). Ясно, что такие скудные данные не дают оснований называть Кекавмена полководцем.

Но Кекавмен посвятил большую часть своей книги военному делу, написав это на основании «истинного опыта», по его собственным словам (стр. 156.4—5). Для Литаврина (стр. 59 и сл.) военные советы Кекавмена — важнейший аргумент, чтобы считать писателя полководцем. Я опять-таки предпочел бы быть более осторожным. Во-первых, Кекавмен дает советы василевсу и патриарху, но он не был ни тем, ни другим. Его рекомендации служащему при дворе не менее колоритны, чем адресованные стратегу. Во-вторых, военное дело интересовало в XI в. многих непрофессионалов. Литаврин справедливо напоминает (стр. 59), что Пселл мнил себя знатоком стратегии. Атталиат, который был одно время армейским судьей, также имел смелость рассуждать о военном деле²⁹. В-третьих, воинский опыт Кекавмена оказывается довольно ограниченным: он никогда не упоминает о своих успехах, о своем командовании — лишь один раз он появляется как наблюдатель или участник похода.

²⁶ K. N. Sathas. Op. cit., t. V, p. 209. 22.

²⁷ S. G. Mercati. Collectanea byzantina, vol. I. Bari, 1970, p. 336 tit.

²⁸ V. Laurent. Bulletin de la sigillographie byzantine. — Byz., 5, 1930, p. 635.

²⁹ Εὐθ. Θ. Τσολάκης. Ὁ Μιχαὴλ Ἀτταλειάτης ὡς κριτικός τῶν ἐπιχειρήσεων καὶ τῆς τακτικῆς τοῦ πολέμου. — «Βυζαντινά», 1, 1969, σελ. 187—204.

Думаю, что следует отказаться от презумпции принадлежности Кекавмена к военной знати. Может быть, он и был полководцем, но достаточных данных об этом нет.

Кекавмен упоминает ряд императоров и должностных лиц Византийской империи. Не может ли отношение к ним помочь понять социальные симпатии нашего автора?

Оставляем в стороне Василия II и Романа III, оценки которых недостаточно определены и которые правила до начала активной деятельности Кекавмена. Оценку Михаила IV Литаврин (стр. 67) считает отрицательной, но нельзя сбросить со счетов, что писатель наделяет Михаила «великими добродетелями» (стр. 286.9, 17) и повествует о его военном успехе (стр. 180.22—31) и дипломатической ловкости (стр. 300.31—302.8). Осуждение, строго говоря, находят лишь родичи Михаила IV. К Константину IX Кекавмен действительно выражает «особую неприязнь», прямо заявляя, что тот погубил царство ромеев (стр. 288.1—2; см. стр. 67); впрочем, он называет Константина благочестивейшим (стр. 152.29—30) и возлагает вину за военные неудачи на полководцев василевса. Любопытно, что Исаак I, явный представитель провинциальной аристократии и способный военачальник, вовсе не упомянут Кекавменом. Отношение к Константину X довольно скептическое, что правильно отмечает Литаврин (стр. 68); трудность, однако, состоит в том, что политика Константина не может быть оценена однозначно как отвечающая интересам синклитиков. Сам Константин, во всяком случае, принадлежал к военно-аристократическому роду Дук и поддерживал переворот Исаака I. Замечание Кекавмена о Роме IV, по справедливому суждению Литаврина (стр. 67), недостаточно ясно. И, наконец, Михаила VII Кекавмен называет добрейшим и благочестивейшим (стр. 266.30, 268.6—8).

Таким образом, никак нельзя сказать, что императоры из провинциальной знати пользуются особой симпатией Кекавмена. Скорее наоборот — к незнатному Михаилу IV и невоенственному Михаилу VII он испытывает наибольшую симпатию. Правда, Литаврин полагает (стр. 68), что похвала Михаилу VII объясняется тем, что сочинение было написано в его царствование, но к этому мы еще возвратимся.

Помимо императоров, Кекавмен упоминает ряд других лиц. При этом мы с некоторым удивлением замечаем, что среди них нет представителей военно-аристократических фамилий, таких, как Даласины, Комнины или Докианы. Высшая военная аристократия империи по какой-то причине вне интересов Кекавмена. Он упоминает (помимо своих родственников) иноземцев: Алусиана, Гаральда Гардрада (не Гардара, как пишет Литаврин), Сенахирима или Хасана ал-Муфарриджа бин ал-Джарраха (Муфарриг б-ал-Гарах у Литаврина — стр. 640, прим. 1330); ларисан (Иоанн Гримианит, Григорий Вамбака, Веривой и др.), а также представителей гражданской знати и лиц незнатного происхождения, достигших высоких постов. Остановимся подробнее на двух последних разрядах.

Иоанна Орфанотрофа Кекавмен характеризует с явным осуждением (стр. 286.19—22). По мнению Литаврина (стр. 85), Пселл по-иному оценивал всемогущего евнуха. Литаврин приводит фразу Пселла о том, что Орфанотроф «никому не причинил зла» (Пселл, I, стр. 59, § 12.5). Однако фраза эта вырвана из контекста: Пселл пишет о том, что Иоанн держал всю страну в страхе, даже не прибегая к наказаниям («злу»), одним своим взглядом он внушал ужас. Подобно Кекавмену, Пселл сообщает, что Иоанн покрывал несправедливые действия своих братьев (I, стр. 61, § 15.13—14). По его словам, Орфанотроф стремился погубить каждого, кто отличался добродетелью или разумом (I, стр. 61, § 14.12—15). Конечно, такую характеристику нельзя назвать однозначно хвалебной — Литаврин опять-таки преувеличивает различие между Пселлом и Кекавменом.

Монах Василий (стр. 164.20; см. стр. 402, прим. 361) неудачно действовал против печенегов. Константинополитанин Ной, патроним которого также не назван (стр. 184.26—30), был «династом» (правителем) Димитриады — согласно Литаврину (стр. 451, прим. 504), «может быть, начальником ее гарнизона»; его непредусмотрительность привела к захвату города агарянами. О социальном лице Георгия Коринфского (см. о нем выше) прямых данных нет.

Высокими достоинствами Кекавмен наделяет Никифорицу (стр. 266.23—27). Литаврин (стр. 68) считает эти похвалы неискренними (как и похвалы Михаилу VII), но думаю, что его предположение не может быть обоснованно. Сам Литаврин справедливо пишет (стр. 106), что Кекавмен не предназначал свое сочинение для широкой публики и что он включал туда «рекомендации, прямо враждебные интересам империи». Почему же следует думать, что писатель в своих интимных и доверительных советах станет лстить Никифорице или Михаилу VII? Более того, Кекавмен явно одобряет отдельные конкретные мероприятия Никифорицы. Советуя государю добиться того, чтобы его родственники боялись его (стр. 286.5—6), Кекавмен, по всей видимости, имеет в виду действия Никифорицы, ограничившего влияние родни Михаила VII (см. Аттал., стр. 200.15—18). Кстати сказать, рекомендация Кекавмена идет вразрез с той «семейственной политикой», которую осуществляла военная аристократия XI в., особенно после прихода к власти Алексея I.

К Василию Педиадиту, катепану Сицилии, Кекавмен относится с явным сочувствием (стр. 158.6—10). Литаврин предполагает, что Педиадит «был связан как-то с провинциальной военной знатью» (стр. 386, прим. 299), но оснований для этого нет. О Василии мы знаем, что он был евнухом, придворным Михаила IV. В XII в. Педиадиты принадлежали к гражданской знати: Константин был грамматиком Исаака II (ММ,

III, р. 16.29), позднее — протонотарием (р. 49.16—17). Василий, его современник, занимал пост учителя школы св. Павла³⁰. В XI в. известны Педианиты (может быть, та же фамилия?): один из них Михаил — торговец, умерший к 1090 г.³¹, другой, Георгий, оставил после себя печать, датируемую X—XI вв; она не содержит сведений о владельце.

[Льва] Сервлию (стр. 152.31), податного сборщика, Кекавмен считал виновником сельджукских успехов. Лев — первый из известных нам членов семьи Сервлиев. В комментарии (стр. 376, прим. 256) Литаврин упоминает лишь одного из них — Иоанна, нотария геникона в 1109 г., который, видимо, идентичен адресату Феофилакта. Кроме того, известны: Михаил, видный судебный чиновник 1062 г.³²; Стефан, коммерциарий Лонгивардии³³; Петр, судья вила и Селевкии³⁴; его омоним — судья Пелопоннеса и Эллады³⁵; Феодор «Сервилиий», протонотарий в 1088 г. (ММ, VI, р. 54.4—5); Иоанн, чиновник, скрепивший указ Алексея I от 1099 г. (ММ, VI, р. 95.14—15). Один из Сервлиев (Литаврин считает его Иоанном, но это маловероятно) был активным учеником Иоанна Итала. В XII в. Сервлии также принадлежали к гражданской знати: среди них мистик³⁶ и судья³⁷.

Михаил, сын логофета (Анастасия), потерпел поражение от сербов (стр. 168.11—12). В. Златарский (не В. Тышкова-Займова, как пишет Литаврин) отождествил его с полководцем — аколумом (командиром варягов) Михаилом³⁸, тоже упомянутым у Кекавмена (стр. 164.23). Литаврин обоснованно возражает против такой идентификации (стр. 409, прим. 381), но чуть выше сам называет сына логофета аколумом.

Наконец, Андроника Филокала, катепана Болгарии, Кекавмен изображает напуганным восставшим 1066 г. (стр. 264.17—20). Литаврин подчеркивает богатство и знатность Филокалов, ссылаясь преимущественно на свидетельства конца XII — начала XIII в. (стр. 544, прим. 1003). Семья Филокалов выдвинулась с конца X в., когда один из них, простой крестьянин, стал китонитом и протовестиарием³⁹. По печатам (скорее всего — XI в.) известны Филокалы — гражданские чиновники: судья Евмафий (или Евстафий)⁴⁰, мистик Михаил⁴¹, эпарх Михаил Филокалит⁴². В 1094 г. Мануил Филокал занимал пост каниклия⁴³. От всех этих гражданских чиновников как будто бы отличается Евмафий Филокал, приближенный Алексея I, занимавший военно-административные посты — стратопедарха и мегадука. Однако, несмотря на свои воинские должности, Евмафий не принадлежал к военной аристократии: Анна Комнина специально отмечает (III, стр. 142.19—23), что он не имел военной подготовки, не умел стрелять из лука или пользоваться щитом, зато искусно заманивал врага в западню или побеждал с помощью военных механизмов.

Таков круг лиц, интересующих Кекавмена: одних он хвалит, других осуждает, отношение к третьим нейтрально, но нельзя не видеть, что в поле его зрения находятся прежде всего гражданские чиновники, выходящие из гражданской знати (в том числе служившие полководцами) или лица, происходившие из незнатных семей.

Учтя все это, я думаю мы лучше поймем социальную программу Кекавмена: «Все люди, — провозглашает Кекавмен в соответствии с традицией, — дети одного человека, Адама: цари они, или архонты, или просящие хлеб» (стр. 286.11—13; см. стр. 62 и сл.). Можно ли предположить, что подобную идею выдвигала феодальная аристократия, даже византийская? В этом пункте, я бы сказал, Кекавмен оказывается «демократичнее» Пселла. Конечно, равенство Кекавмена — это равенство не состояния, а отношения: царю надлежит относиться одинаково (ἐν ἰσῶ ὁφθαλμῷ — букв. «равным глазом») ко всем — и чиновным, и не чиновным (стр. 274.13—16), но такая ἰσότης не отменяет социальных и имущественных граней. Человек должен знать свое место и не стремиться сменить занятия: плохо, если моряк пытается стать стратиотом или нотарий — кузнецом; лишь в редких случаях такие перемены удачны (стр. 224.4—8). Бедняку не следует «зарываться»: пусть насаждает виноградники и возделывает землю — и будет жить, не зная печали (стр. 220.17—20). Но и пренебрегать добрым советом простого человека (εὐτελής) не следует — ведь, может быть, господь вдох-

³⁰ J. Darrouzès. Recherches sur les ΟΦΦΙΚΙΑ de l'Eglise byzantine. Paris, 1970, p. 77.

³¹ F. Dölger. Regesten, T. II, № 1091. О дате см. P. Gautier. Le Synode de Blachernes (fin 1094). — REB, 29, 1971, p. 241, n. 3.

³² F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, № 57.7.

³³ G. Schlumberger. La sigillographie byzantine. Paris, 1884, p. 218.

³⁴ Ibid., p. 270 sq.

³⁵ Ibid., p. 190, 698.

³⁶ R. Guiland. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin. Le Mystique. — REB, 26, 1968, p. 285.

³⁷ V. Laurent. La Collection C. Orghidan. Paris, 1952, № 314.

³⁸ В. Н. Златарски. История на България през средните векове, т. II, София, 1934, стр. 89, бел. 1.

³⁹ См. о нем: P. Lemerle. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. — «Revue historique», 219, 1958, p. 277 sq.

⁴⁰ G. Schlumberger. Op. cit., p. 188, № 4, № 6.

⁴¹ R. Guiland. Op. cit., p. 284.

⁴² G. Schlumberger. Op. cit., p. 692.

⁴³ P. Gautier. Op. cit., p. 241.

новил его на это (стр. 140.3—6; ср. стр. 158.3—4). Простоту, εὐτέλεια, высоко ценит и Симеон Богослов: по его словам, благие люди считают именно ее царством, а земное царство — нищетой⁴⁴.

Кекавмен делит население империи на три разряда — Литаврин (стр. 63) полагает, что в основу этого членения положен «имущественный признак», но такая оценка кажется мне односторонней. Высший разряд, по Кекавмену, это те, кто имеет власть судить (стр. 120.16) и у кого есть παρρησία, свобода речи (стк. 22); такие люди вместе с тем и богаты (стк. 24). Второй разряд — «средние», у которых нет παρρησία (стк. 26), третий — «совсем низкие» (οἱ κάτω πάντεσσι) (стк. 29). Впрочем, οἱ κάτω — не всегда «простолюды»: «Ты служишь царю и принадлежишь к οἱ κάτω», — говорит Кекавмен в начале книги (стр. 126.4).

Византийская политическая мысль выделяла, как правило, несколько моментов, определявших знатность: родовитость, богатство, чиновность и высокую мораль. Кекавмен в данном случае использует лишь два критерия — власть и богатство. И в другом месте он отмечал, что вельможа обладает видным положением, богатством, чинами и благородством (стр. 204.7—9). Богатым и благородным именует он Петра de Turra, «первого человека своей земли» (стр. 186.18). Но благородство (εὐγένεια) в понимании Кекавмена окрашено этически: «благородных» он противопоставляет взяточникам-человекоубийцам и осквернителям могил (стр. 130.17—20), а «неблагородными» (δυσγεγενης) он считает спесивцев, воров, гадателей, магов (стр. 286.13—15). Если я не ошибаюсь, Кекавмен нигде не выдвигает «кровь», родословие в качестве ценности, тогда как Атталиат, скажем, усматривает достоинство Никифора Вотианиата, помимо всего прочего, в том, что император происходил от римских Фабиев и византийских Фок (Аттал., стр. 217 и сл.); Пселл также вспоминал славных предков Константина X Дуки (Пселл, II, стр. 140, § 6.1—5).

Другая форма общественной стратификации предложена Кекавменом в советах василевсу: он делит людей на царей, архонтов и «хлеб просящих» (стр. 286.13). Здесь можно напомнить, что и Симеон Богослов выделял два разряда «высшего общества»: царей и архонтов — богатых⁴⁵. Архонт, в понимании Кекавмена, как правильно отмечает Литаврин (стр. 339, прим. 62), — «официальное лицо»; так же понимает этот термин и Симеон. «Все стратиги и архонты — слуги или друзья царя»⁴⁶, а слуги царя — не те, кто сидит в своих домах и проاستях, но кто сопровождает царя и следует за ним в поход⁴⁷. Наконец, в третьем случае Кекавмен делит население империи по функциональному принципу: на стратиготов, синклитиков и горожан (стр. 284.17—18). Как мы помним, такую же формулу стратификации выдвигал и Пселл.

Ни в одной из попыток Кекавмена наметить социальные градации мы не можем проследить идеологию провинциальной знати: место человека в обществе, по Кекавмену, определяется не «кровью», но чиновностью, богатством и (в идеале) нравственной высотой.

Хотя Кекавмен довольно четко разделяет военные и гражданские функции (ср. еще стр. 154.15—17), он с равным уважением относится и к стратиготу, готовому пролить свою кровь, и к энергичному нотарию или «секретнику» (стр. 276.13—14). Продвижение по служебной лестнице определяется (если только оставить в стороне попустительское божие) двумя причинами: высокими добродетелями или активностью человека (стр. 124.5—8). Я никогда не видел, рассуждает Кекавмен в другом месте, чтобы деятельный и бодрствующий человек не достиг вершин: служение (δουλεία) не бывает напрасным (стр. 188.10—11). От фемной службы не следует отказываться, ибо должность (ἐξίσημα) — благословенное божие (стр. 210.23—24). [Писатель делает исключение лишь для δημοσίων δουλείων (стр. 194.28—30), что из контекста раскрывается как откуп налогов]. Наконец, Кекавмен приравнивает царскую должность к чести от бога (стр. 238.1—2). Вся эта система взглядов, мне думается, ближе к воззрениям чиновника, нежели провинциального аристократа.

Обращаясь к военным советам Кекавмена, мы можем расценить его как приверженца той стратегии, которую осуществлял немногим позднее Евмафий Филокал (см. выше). Кекавмен — не сторонник рыцарственной отваги, он советует полководцу держаться средней линии между смелостью и мудрой трусостью (стр. 136.17—19). Военные хитрости, обман, коварство, с одной стороны, умение откупаться от врагов (стр. 150.15—19), с другой — таковы принципы Кекавмена, которые Литаврин называет «оборонительной тактикой» (стр. 88; ср. стр. 365, прим. 223).

Благочестие присуще нашему писателю: о том, что все зависит от бога, он говорит так часто, что приводит примеры излишне. К монахам он относится с уважением, рекомендуя беседовать с ними (стр. 216.26). Он советует усердно посещать церковь и стоять насмерть за святые иконы (см. стр. 94). Правда, Литаврин (стр. 98) подчеркивает уважение Кекавмена к образованности вообще и к светской науке в частности, но мне кажется, что это положение не совсем точно, причем порождена эта неточность в какой-то мере ошибочностью перевода одного из пассажей Кекавмена (см. выше).

⁴⁴ Syméon le Nouveau Théologien. Hymnes, t. II. Paris, 1971, p. 138, № 21.89—90.

⁴⁵ Syméon le Nouveau Théologien. Hymnes, t. II, p. 120, N 20.141. Ср. idem. Traités théologiques et éthiques, t. I. Paris, 1966, p. 180.29, 248.30—32, 432.599 et al.

⁴⁶ Syméon le Nouveau Théologien. Traités..., t. II, p. 188. 460—461.

⁴⁷ Ibid., p. 166, 133—136.

Литаврин внимательно проанализировал источники Кекавмена и правильно подчеркнул, что он постоянно пользовался Писанием (стр. 40); в отличие от Литаврина я только думаю, что и житийную литературу наш автор знал неплохо: его зависимость от «Чудес св. Николая» довольно очевидна (см. выше), а из «Жития Марии Египетской» приведена прямая цитата (см. стр. 619, прим. 1256⁴⁸). Те крохи светских знаний, которые рассеяны по «Советам и рассказам», могли быть почерпнуты (помимо стратегиконов) из каких-либо компендиумов и словарей.

Знание получает у Кекавмена этическую окраску: творящий беззаконие (мздоимец) пребывает, по его суждению, «во мраке невежества», даже если он многоучен и исполнен всяческого разумения (стр. 126.27—29). А мнение Кекавмена о врачах (стр. 224.12—15), вполне отвечающее средневековым предрассудкам, вряд ли свидетельствует о его образованности.

Этические воззрения Кекавмена полно и четко охарактеризованы Литавриным (стр. 100 и сл.). В этой связи особенно важен вопрос о дружбе: в свое время я старался показать, что в трактовке дружбы Кекавмен особенно близок Симеону и что негативное отношение к этой форме социальных связей типично для индивидуализма византийского чиновничества. Как интеллектуалы типа Пселла, так и провинциальная аристократия придавали дружбе (хотя и по разным основаниям) весьма высокое значение. Литаврин колеблется в оценке позиции Кекавмена по отношению к дружбе. Он настаивает, что писатель допускал существование истинной дружбы, и вместе с тем подчеркивает: «Кекавмен делает акцент не на положительных, а на отрицательных последствиях дружбы» (стр. 101; ср. еще стр. 421 и сл., прим. 401). Я не раз цитировал относящиеся сюда высказывания; не стану повторять их здесь, ограничившись лишь напоминанием, что негативная оценка Кекавменом дружбы не была книжной, но зиждилась на личном опыте. «Я никогда не хотел иметь товарища и не садился за стол с равным мне, разве только по необходимости» (стр. 242.12—14), — так говорил он.

Литаврин пишет далее: «Кекавмен живет в вечном состоянии ожидания беды» (стр. 103). Это очень точная характеристика. Я думаю только, что такое психологическое состояние типичнее для чиновника, все время ожидающего немилости начальства⁴⁹, нежели для провинциального феодала — полунезависимого владельца своей земли.

Таковы некоторые уточнения к концепции Литаврина. Я далек от мысли, что мои возражения неоспоримы. Я преследовал более скромную цель — показать, что оценка Кекавмена как полководца и идеолога провинциальной знати все еще остается дискуссионной. Было бы осторожнее не выносить слова «сочинение византийского полководца» на титул очень важной и интересной публикации Литаврина.

А. П. Каждан

Ответ рецензенту

В осуществленном нами в 1972 г. новом издании «Советов и рассказов» Кекавмена мы писали, что состояние современной историографии этого памятника позволяет предвидеть еще более оживленный обмен мнениями после выхода в свет нашей публикации (стр. 39).

Действительно, рецензия А. П. Каждана, публикуемая в данном томе «Византийского временника», является уже шестым откликом на наше издание¹. Рецензенты сделали ряд критических замечаний, не согласились они и с некоторыми нашими выводами и заключениями. Особенно много новых предложений по греческому тексту содержится в рецензии Р. М. Бартияна, указавшего и на погрешности нашего перевода.

Решили мы ответить, однако, только на рецензию Каждана, поскольку в ней поставлены под сомнение некоторые из наиболее существенных наших выводов и среди критических замечаний рецензента содержится много таких, которые мы считаем ошибочными, альтернативными или лишенными какого бы то ни было значения.

При публикации источника, в особенности публикации повторной, претендующей на более точную передачу текста памятника, «мелочи» играют порой важную роль. Представляется поэтому вполне оправданной та тщательность, с которой рецензент отмечает недочеты нашего издания. Мы с благодарностью принимаем те из них, которые признаем бесспорными (ниже мы детально их перечислим). Но мы не можем признать большую часть названных Кажданом недостатков.

⁴⁸ Более точный перевод этой фразы см. С. В. Полякова. Византийские легенды. Л., 1972, стр. 85.

⁴⁹ О нестабильности статуса византийских чиновников XI в. см. теперь: G. Weiss. *Oströmische Beamte im Spiegel der Schriften des Michael Psellos*. München, 1973, S. 38, 42 u. a.

¹ М. Vojnov. Nouvelle édition de Kékauménos. — «Etudes balkaniques», 1973, 2, p. 127—130; G. Cankova-Petkova. De nouveau de Kékauménos. — «Bulgarian Historical Review», 1973, 3, p. 61—77; H. Mihăescu, in: «Revue des études sud-est européennes», XI, 1973, 3, p. 571—573; Г. Л. Курбатов. — ВИ, 1973, № 11, стр. 158—161; Р. М. Бартияна. Некоторые замечания о «Советах и рассказах» («Стратегиконе») Кекавмена. — «Вестник общественных наук АН Арм. ССР», 1974, № 2, стр. 71—88.